



Алиса Аркадьевна Ганиева

Жених и невеста

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9306712

*Жених и невеста : роман / Алиса Ганиева: АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090287-3*

Аннотация

Алиса Ганиева – молодой, но уже очень известный прозаик и эссеист. Её первая повесть «Салам тебе, Далгат!» удостоилась премии «Дебют», а роман «Праздничная гора», рассказ «Шайтаны» и очерки из дагестанской жизни покорили читателей сочностью описаний и экзотическими подробностями.

Молодые герои, ровесники автора, хотят жить и любить свободно. Но знаменитый вольный дух Кавказа ограничивают новомодные религиозные веяния, а быт наполняется раздражающими «западными» условностями.

Чувства персонажей подвергаются самым неожиданным испытаниям...

Содержание

1. Бутылъ незнакомца	5
2. Список невест	14
3. Бедная грешница	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алиса Ганиева

Жених и невеста

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

1. Бутыль незнакомца

Когда мы, промокшие, вбежали в полупустой вагон и плюхнулись на ободранную скамейку, Артур, не переставая, смеялся:

– Вы сумасшедшие! Политсобрание в двадцать первом веке!

В окна электрички тарабанил дождь. Мы ехали на дачу к каким-то богемным друзьям Марины, с которой я работала в подвале московского суда, подшивая и переписывая бумаги. Платили нам крохи. Писанина сводила пальцы до боли, ладони пачкались въедливыми чернилами. Но мы почему-то считали эту бессмысленную пытку какой-никакой, а практикой.

Артур, Маринин приятель, с удовольствием слушал про наши судебные нравы. Он уже куражился, хотя вроде и не выпил. Хохотал, переспрашивал, в запале хлопал себя по ляжкам.

– Бомба, это бомба!

– Да, Артурчик, это не фантастика, – кокетливо поддакивала Марина. – Начиная с этой недели, мы приходим на полчаса раньше, чтобы всем коллективом на планёрке обсудить мировые новости. Крепче сплотиться против врага.

– Какого врага?

– Опасного врага, ощерившего гнилую пасть, – чеканила Марина, – который мечтает разбить наши скрепы.

– Духовные скрепы?

– Разумеется, духовные, Артурчик.

Двери, ведущие в тамбур, со скрипом раздвинулись, и вошёл довольно неотёсанной наружности человек с аккордеоном, в резиновых сапогах. Он играл что-то плаксивое, мелодия казалась знакомой, и я чуть было не наклонилась к Марине за подсказкой. Но, устыдившись своего невежества, вильнула ногой и раздумала.

– А вы, Патя, давно в Москве? – обратился ко мне Артурчик сквозь звуки аккордеона.

– Год! – закричала я ему в ухо, перегибаясь через Марину. – Мне старший брат предложил попробовать поработать в Москве.

Я, правда, не стала уточнять, что, собственно, на год меня и приглашали, и вот он уже истёк, и мне, по всей видимости, придётся возвращаться домой в свой посёлок.

Так и не угаданная мною мелодия уплывала от нас по проходу в соседний вагон, за стёклами мчался, подпрыгивая в брызгах дождя и не желая нас отпускать, июньский город. Было довольно прохладно для лета. Марина куталась в кофту и зачем-то разъясняла Артуру:

– Учти, твою самбуку Патя пить не будет. Она непьющая. У них же в стране это... мусульманство. Правда, Патя?

Марина никак не могла выучить, что я вообще-то не иностранка и пить себе не запрещаю. Но я решила не перебивать.

– И приставать к ней тоже нельзя, – продолжала Марина, – а не то от неё женихи откажутся.

– У тебя что, много женихов? – заёрзал от восторга Артур.

– Да нет у меня никаких женихов! – возмутилась я.

Марина, конечно, имела в виду тех нескольких недотёп, с которыми я таскалась на свидания. Один набрёл на меня в сетевой группе и стал сыпать цитатами из книг по достижению успеха и популярной психологии. Строил из себя опытного мыслителя. Разузнав, что зазнайка из моих родных краёв, я оживилась и согласилась из любопытства встретиться.

О, какая же это была ошибка! Кавалер оказался высоким, но большеголовым, с неприятно мелкими глазками. Я подумала было бежать прямо с места встречи, но он приметил меня издали и замахал свёрнутым в трубочку журналом «Деньги». Видно, угадал по фотографии.

– Чем промышляешь? – задал он сразу довольно странный вопрос.

– Ничем. Я ведь не промышленник, – выдавила я, раздражаясь.

Мы уже двинулись по улице и прошли несколько шагов, прежде чем он отреагировал:

– Как сказал Гилберт Честертон, человек, который хотя бы отчасти не юморист, – лишь отчасти человек.

Мне стало смешно, что он снова блеснул цитатой. Как будто он целыми днями заучивал их из толстого сборника.

– Читаешь «Деньги»? – кивнула я на журнал, чтобы что-то сказать.

– Нет, я их делаю, – ухмыльнулся он назидательно, явно любящая своей остротой.

И тут же, как будто опровергая самого себя, остановился у самого дешёвого, набитого народом фастфуда:

– Приглашаю!

Дальше были мучительные сорок минут в очереди на кассу, а потом ещё за общим столиком с подростками-скейтбордистами. Большеголовый продолжал душить меня афоризмами, позыркивать своими черничинками и скрипеть картонным стаканчиком кофе по рассыпанному на столике сахарному песку. Он твердил, будто в его родном селе девушки так мучительно хотят за него замуж, что без конца плетут ахинею о том, как он им якобы названивает. Взбодораженные родители девушек потом прибегают к его домашним и жалуются: мол, ваш молодец вконец замучил наших дочек звонками, так пускай теперь женится. Но большеголовый тот ещё воробей, так просто в ковш не залезет. Да, иногда он и вправду по слабости даёт девушкам повод надеяться, но, как сказал Уинстон Черчилль, дурак тот, кто ни разу не ошибался...

Под конец он сделал царственный жест: заявил всё так же покровительственно, что мы сейчас немедленно отправимся в торговый центр выбирать ему брюки. Как будто приобщал к святыне. Я вскочила и забормотала, что никуда не пойду и вообще страшно спешу на рабочую встречу. Хотя какая у меня могла быть рабочая встреча? И сбежала не оборачиваясь. Он потом звонил, писал: «Как тебе я?», потом, не дождавшись: «Ты очень странная. У тебя поистине жуткий характер», потом: «Как жизнь, деловая?» и окончательно выдохся.

Не успела я отойти от этого дурацкого эпизода, как меня вызвал брат, у которого я живу. Объявил, что его начальник на химическом предприятии, наш земляк, собрался меня знакомить со своим то ли внуком, то ли племянником. Это было странно, но я, конечно, не возражала.

Меня забрали вечером у суда. За рулём был шофёр, а сам начальник брата расположился вместе со мной на заднем сиденье. Это был бодрый пожилой мужчина, на вид лет шестидесяти, но на деле разменявший уже восьмой десяток. Сканировал меня хитрющими глазами, выпрашивал про мою работу, а потом с упоением, то и дело хихикая про себя, зажурчал о своей. Можно было подумать, что он не отделом химического предприятия заведует, а волшебным лесом с единорогами.

Уже в ресторане, угощая меня царскими блюдами (запечённый под сырной шапкой язык, сваренная с коньяком взбитая телятина, осётр в лаваше и так далее, и тому подобное), дед вдруг разоткровенничался:

– Я за все свои восемьдесят три года ни разу не был влюблён.

Я поразились:

– Ни разу? Но у вас жена, внуки!

– Ну и что, – лукаво прищурился он, – я женился только потому, что мама, упрямившая меня завести семью, начала снимать платок. Вы сами понимаете, позор для горца, если мать при нём разматывает платок. – Я понимала плохо, но он продолжал: – Смирился. Женился. И сколько же моей жене пришлось вытерпеть! Да я и до неё гулял.

И он поведал, как, будучи молодым, участвовал в качестве лётчика-истребителя в одном международном конфликте между арабами и евреями. Советы к этой операции официально отношения не имели и, чтобы хоть как-то замаскировать своё вмешательство, мобилизовали лётчиков из национальных республик. Именно для того, чтобы те переговаривались по рациям на своих языках, а чужая разведка принимала их за арабов.

– Как же вы друг друга понимали? – удивлялась я этой провальной затее. – Вряд ли кто-то ещё из лётчиков знал, например, ваш лакский. А если вы все говорили по-русски, то в чём смысл маскировки?

Но старик меня не слышал, он упивался воспоминаниями. На их военной базе в столовой работала некая Маша, писаная русская красавица. У Маши был жених из местных, но ей хватило одного-единственного вальса с моим стариком, тогда ещё бравым лётчиком, чтобы забыть жениха напрочь. Она ходила за ним по пятам, отравляя своей красотой, но он не сдавался.

– Перед самой моей демобилизацией, в последнюю ночь, Маша пришла ко мне и пролежала... Сейчас я могу спокойно об этом говорить... пролежала на моей кровати голая, умоляя принять её невинность. Но для меня это всегда было под запретом. Я никогда не портил девушек. Она понимала, что видит меня в последний раз, плакала, чуть ли не на коленях просила оставить ей на память этот подарок. Наутро я отправил её из своей комнаты в прежнем, нетронутым виде.

– Но вы её ужасно обидели! – вырвалось у меня. – Наверняка быть вот так вот отвергнутой – ужасная рана.

– Она потом мне в этом как раз призналась.

– Вы её встретили?

– Через двадцать семь лет в московском метро. Еду в вагоне, а напротив меня сидит грузная такая, побитая жизнью незнакомая женщина, смотрит на меня не отрываясь и плачет. Слёзы текут ручьями. Потом поезд остановился, она поднялась. Мне тоже нужно было выходить. Мы пошли друг за другом в одну сторону, к эскалатору. Двинулись через ступеньку, рядом: она выше, а я за ней. И тут она оборачивается и молча обнимает меня. Так мы до самого верха и простояли.

– Это была Маша?

– Да, по сравнению со мной она очень сильно изменилась. Мы завернули в кофейню и долго болтали. Она рассказала, что стала встречаться со своим женихом, и тот меня ненавидел. Пока не обнаружил после свадьбы, что жена девственница. Он же был, как и все, уверен, что я с ней гулял. Зауважал меня за сбережённую невесту. Поминал, оказывается, добрым словом. Но жизнь у Маши сложилась нехорошо. Ни любви, ни радостей. Тяжёлая работа, хозяйство. Муж запил. А вот если бы у бедняжки была та ночь, если бы я тогда поддался, она, кто знает, была бы счастливее.

Пока я слушала старика и ела, мне думалось, что он, конечно, преувеличивает. Пускает пыль в глаза. Что, кстати, довольно странно, учитывая его роль дедушки-свата. И где же в конце концов внук или племянник? Но никто не появлялся.

– Сколько вам лет? – спросил вдруг старик.

– Двадцать пять.

– Очень жаль, очень жаль. – Он изменился в лице, опуская глаза в тарелку. – Я хотел познакомить вас с внуком, но вы старше него.

Я ощутила едкую досаду не то на неделикатного старика, не то на брата, который не прояснил эту деталь гораздо раньше.

– И вообще, внук давно живёт с подружкой. Мне это не нравится, вот я и решил вмешаться. Но вы, к сожалению, на целых два года его старше. Засиделись в девушках.

Когда я на следующий день рассказала об этом брату, тот и сам на меня напустился:

– Конечно, он прав! Скоро на тебя никто не посмотрит!

– Не надо копировать свою маму, – вмешалась Люся.

Люся – это русская жена брата, отчего мои родители до сих пор на нервах. Перед свадьбой до самого последнего момента выжидали, не рассылали приглашения – вдруг сын передумает. Маме всё время чудится, что от чужих женщин добра не жди. Что её любимого сына бросят, облапошат, высосут из него кровь, вытянут жилы. К тому же Люся никак не рожала. Они с братом объездили всевозможных врачей, те хором твердили, что оба супруга в совершенном порядке, но забеременеть Люся всё равно не могла. Папина мама, моя бабушка, звонившая по этому поводу из нашего посёлка, заключила, что царя небесного нужно как-нибудь умиловить, съездить за амулетом-сабабом¹ к шейху и тогда, может быть, он соблаговолит... Брат только посмеялся.

Электричка затормозила на нужной нам станции, у влажного лесочка с одинокой платформой. Дождь уже прошёл. Мы спустились с платформы на дорожку, соображая, куда свернуть. Из-под дерева за нами внимательно наблюдал мужчина лет пятидесяти ничем, кроме зелёного плаща, не примечательный. Марина заметила его и закричала:

– Простите, пожалуйста, а дачный кооператив в какую сторону?

– Дачный? Сейчас объясню, – добродушно откликнулся мужчина и похлопал по травке навстречу. – Идите прямо по дорожке, потом сверните налево и у шлагбаума, не доходя до забора, снова сверните, только направо. Запомнили?

– Прямо, налево, направо, – затараторил Артур.

– А вино у меня не купите? Домашнее, сам делаю.

Мужчина вытащил из непонятно откуда взявшейся старой авоськи большую бутылку с самодельной этикеткой, на которой виднелась буква «Икс», а дальше неразборчиво.

– Нет, спасибо, конечно, но мы у незнакомцев вино не берём, – отрезала Марина.

– А почему нет? – заартачился Артур. – Давайте купим, я заплачу.

– Дело не в деньгах, – нахмурилась Марина, но мужчина в зелёном плаще уже передавал, улыбаясь, бутылку Артуру.

Весь оставшийся путь, пока не дошли до нужного дома, мы молчали и ёжились, как будто после ссоры. На крыльце курили несколько человек в фетровых котелках и с пирсингованными губами. Артур остался с ними, а мы вошли по скрипучим доскам на деревянную веранду с большим, заставленным стопками кухонным столом, старой плитой, приземистым холодильником и непонятными рогожами, беспорядочно сваленными на пол. На рогожах маленькими кучками сидели или лежали гости и увлечённо общались, не обращая на нас никакого внимания. Я уже думала, куда бы мне притулиться, как к Марине подлетел огромный рыжий детина, поднял её в воздух и закричал:

– Пилорама приехала!

Я удивилась и только хотела спросить, что это за кличка, как Марина начала меня представлять как свою подругу.

– Она чеченка! – заорал ворвавшийся Артур.

– Я не чеченка, – решила я уточнить.

– Черкешенка? – манерно поинтересовался худющий, как молоток, брюнет в бесформенном вязаном свитере.

– Юрий, известный общественный деятель, – представил его рыжий детина.

– Но там, где Терек протекает, Черкешенку я увидел, / Взор девы сердце приковал... – продекламировал Юрий.

¹ От *араб.* «причина». Талисман, обычно в виде кожаного треугольника со вшитым внутрь аятом из Корана и вольной молитвой, написанной на листочке духовным лицом. Ношение сабабов осуждается салафитами как проявление многобожия и неверия.

– Можно сказать, почти угадали, – махнула я рукой. – Я из тех краёв.

– А я воевал на Кавказе. И даже был ранен, – так же манерно заявил Юрий.

Мы неожиданно оторвались от Марины и рыжего и оказались, как и прочие гости, сидящими на рогоже.

– Это было в девяностые... Вы не поверите, я был русский офицер, но я сочувствовал горцам, их свободолюбию.

– Кажется, вы путаете девяностые с девятнадцатым веком, – засмеялась я, видя, как он завирается.

Брюнета это задело. Он поднёс рюмку с брусничной, кажется, настойкой к красным губам и глянул искоса.

– Вот вы хихикаете, а сейчас у вас есть реальный шанс донести до российской элиты, чего хочет Кавказ, – прогудел он томно и глухо, явно имея в виду под элитой себя самого.

– Вы такие громкие слова произносите. В смысле, чего хочет? Того же, чего и остальные, наверное. Работющей системы.

– Законов?

– Ну, в том числе. Правда, идеальные законы у всех свои...

– А вы знаете, в вас есть что-то аристократическое... – Он взял мою руку и неожиданно поцеловал её. – Представляете, какой будет фурор, если мы заключим брак.

– Почему фурор?

– Известный общественный деятель и чеченка.

– Дагестанка.

– Тем более! Но вы, наверное, невинны...

Я засмеялась его прямолинейности.

– Вас опекают, контролируют? Каждый месяц на проверку к гинекологу? – продолжал он дознание.

Я чуть было не фыркнула: «С чего вы взяли?», но потом осеклась, решив для безопасности согласиться.

– Да, вообще-то проверяют.

– И братья строгие?

– Строгие, – отозвалась я эхом, вспомнив, как легко брат отпустил меня с Мариной.

Юрий со вздохом откинулся назад. Я озиралась вокруг. Народ собрался молодой, но разномастный. Прямо на кухонном столе, болтая ногами и чокаясь банками энергетика, сидели двое полумальчиков в лёгких льняных пиджачках. Рядом, зажав между ногами бутылку, ту самую, купленную у случайного виноторговца, жестикулировал Артур. Марина сидела поодаль с рыжим детиной и неподвижной шатенкой в старомодной пышной юбке и с кукольным лицом. Какие-то люди вбегали и выбегали, а к нам, переступая через расставленные на полу блюда с закуской, подбирался мужчина с лысой макушкой и тоненьким хвостиком.

– Юрий, Юрий, – зашептал он, опускаясь на колени и хватая худого Юрия обеими руками за плечи, – представляешь, говорят, здесь этот, Кичин.

– Ну и что же? – причмокнул тот.

– Да он же нерукопожатный. Ему же весь мыслящий интернет мечтает морду набить. Продажная скотина. Лебезит, прогибается перед центральной линией, хоругви носит. На меня донос написал, что у меня гражданство двойное. А я, между прочим, и так бы отчитался признательным заявлением, как положено, – стрекотал хвостатый.

– Я его не боюсь! – Юрий рубанул воздух рукой.

– Да и я не боюсь, он сам по себе тихонький, забьётся в угол с водкой и сидит. Но с ним будут какие-то леваки, они-то совсем распоясанные.

На веранде и вправду появились новички. Бесцветный, слегка косоглазый юноша с растрёпанными каштановыми волосами и двое вполне мирных парней в джинсовых куртках и ярких майках с серпами и молотами.

– А выглядят они безопасно, – заметила я.

– Прошу прощения? – обратил на меня внимание хвостатый.

– Я – Патя.

– Прекрасная воительница с гор, – вставил фантазёр Юрий, снова целуя мне руку.

С другой стороны возник Артур с полным бокалом.

– Патя, а что ты не пьёшь, не закусываешь? Я что, зря вина купил? Очень вкусное.

Я приняла бокал. Бутылка пошла по кругу. Я видела, что и Марина тоже себе подливает. За пасмурными окнами меж тем уже бродили сумерки.

Тут девушка в пышной юбке вдруг потеряла свою неподвижность, вышла на середину веранды и громко предложила:

– А давайте вызовем духов! Это забавно, вот увидите!

– А не опасно? – засомневался Юрий.

– Давайте, давайте! – пробасил один из левых парней.

Чьи-то голоса, то ли леваков, то ли рыжего, уже предлагали вызвать Сталина, полумальчики в льняных пиджачках раздобыли большой лист бумаги и рисовали на нём буквы. Девушка, затеявшая всю суматоху, и один из тех, что до этого курил на крыльце, бродили по веранде в поисках старого блюда для спиритического сеанса.

– Что за идиотизм, – возмущался хвостатый, – пускай Кичин сам вызывает своего Сталина!

– Ну что ты, это может быть любопытно, – играл бровями Юрий, уже поменявший рюмку с брусничной на поднесённый Артуром бокал вина.

– Надо сесть в круг и взяться за руки, – распоряжалась Марина. Встретившись со мной взглядом, она подмигнула и поманила к себе.

– Ну, сейчас начнётся, – зашептала она мне в ухо, когда я приблизилась, – станут спрашивать о судьбах России, кто будет у власти, случится ли революция и в чём смысл жизни. Перессорятся, переорутся.

– И зачем это надо? – поразила я.

– А поржать, зачем же ещё. Кстати, ты что с хозяином не здороваешься?

– А кто хозяин?

Марина показала на загорелого молодого мужчину с лицом, слегка напоминающим лошадиную морду, который сидел в тени на рогоже и наблюдал за приготовлениями. Непонятно, как я умудрилась его не заметить. Тем более что мы были знакомы. Его звали Ринат, он был то ли башкиром, то ли татаринном и как-то раз подвозил нас с Мариной после работы. Мне даже казалось, что он за ней ухаживает. Очень приятный мужчина.

– Пойду поздороваюсь, – воодушевилась я. Мне не хотелось возвращаться к Юрию.

– Если дух явится, я ему исповедуюсь, – игриво хохотнул Артур, когда я проходила мимо.

– Вам бы не помешало. Но – не здесь, а в церкви, – осадил его тот, кого хвостатый называл Кичиным. – А я в этом сатанинстве не участвую.

– Тогда иди и сдай всех, кто участвует! – крикнул хвостатый, роясь в холодильнике. Неясно, как он оттуда что-то услышал и почему всё время менял мнение – то против затеи, а то неожиданно «за».

Кичин ничего не ответил.

– Правильно, не отвечай, – подоспел к нему Юрий, по-буратины сгибая острые коленки, – не надо раздувать свару. Это на руку врагам России.

– Юрий, ты на чьей стороне? – разозлился хвостатый, захлопывая холодильник.

– Тише, тише! – требовала Марина, как будто всерьёз нервничая. – А то не получится! У духов своевольный характер, они обидчивые.

Ринат тем временем поднялся мне навстречу и прямо и просто сказал:

– Я знал, что ты придёшь. Пойдём туда, где нешумно.

И мы вышли с веранды в коридорчик, прошли мимо ванной комнаты с пустыми дверными петлями и стальной газовой колонкой с торчащими трубами. Ринат стал подниматься по лестнице, не оборачиваясь. Я шла за ним.

Поднявшись, мы попали в мрачную комнатку, оклеенную пропахшими плесенью старыми обоями. У стенки горела холодная печка, а напротив синел выцветший диван времён застоя.

Мы молча сели на этот диван и вперились в печку. Ринат держал бокал с разлитым Артуром вином.

– Почему говорят – «истина в вине?» – заговорил он наконец.

– Потому, что горькая?

– Потому что пьёшь и тебя видно в истинном свете, – тихо ответил Ринат.

– Ну не знаю...

Внизу раздались крики:

– Двинулась! Двинулась!

– Вот ты, – продолжил Ринат, так же уставившись на печку, – для меня вся известна.

– Из-за вина?

– Нет, из-за сна. Я сон видел. Но сначала надо чокнуться.

Он обернулся ко мне своим беззащитным лошадиным лицом, на котором в сером вечернем свете сверкали серо-голубые радужки. Мы чокнулись. А потом он медленно забрал у меня бокал, нагнулся, поставил оба бокала на пол, снова разогнулся, обхватил меня руками и начал всё так же медленно опрокидывать на диван. Я почувствовала, как покрываюсь мелкими дрожащими мурашками немного страха, но в голове при этом было совершенно пусто. Я упала навзничь и лежала так, тараща в потолок. Ринат придавил меня сверху и тоже не двигался, только дышал спокойно и глубоко, как будто спит. Мелькнула и пропала мысль, что кто-то может подняться, заглянуть и раздуть сплетню, но страх ушёл. Пересиливало странное космическое спокойствие. Меж тем, я чувствовала, как тело продолжало мелко дрожать.

– Вот я сейчас ничего не смог, – неожиданно произнёс Ринат.

– Чего не смог?

– Ничего с тобой сделать. У меня всегда так, когда есть чувства. А когда чувств нет, то сразу всё получается.

– А с чего ты решил, – странным для самой себя ленивым голосом поинтересовалась я, – что со мной надо что-то делать?

– Я же говорю – сон. Мне снилось, что я у себя в деревне, в Поволжье. Я вышел во двор, а время было сразу после восхода, и увидел на дереве большое гнездо. А из гнезда бесёнок выглядывает. Верх у него как у девочки, а низ как у козы. Эта полудевочка-полуживотное вылезла при виде меня из гнезда, прыгнула с дерева и ушла в землю, как змея. Тогда я поднял с земли палку и стал тыкать в нору, которую она проделала. Мне нужно было её выманить. Тогда девочка-бесёнок вылезла с другой стороны и говорит: «Если ударишь палкой по забору три раза, исполнится любое твоё желание». И тогда я взял палку, ударил ею об забор три раза и загадал, чтобы ты сегодня приехала на дачу. Так и случилось.

Мне стало не по себе, но я всё так же лежала под Ринатом и смотрела в нелитое окно, за которым в наступившей тьме шарил по листьям дождь.

– А после того как я постучал палкой, дверь у нашей соседки открылась, она вышла на крыльцо и стала озираясь по сторонам, чтобы узнать, откуда шум. Но меня она не видела, хотя я стоял на виду. И в этот момент я совершенно точно понял, что вовсе я не во сне, а на

самом деле и въяве в своей деревне. Думаю, если бы я потом позвонил соседке и спросил, слышала ли она на рассвете стук и выглядывала ли на крыльцо, она бы ответила «да».

– Почему ты не загадал другого желания? – услышала я свой собственный вопрос. Голос у меня был на удивление уверенный.

– Не знаю. Наверное, твои горные духи пересилили моих речных.

У меня голова пошла кругом, я чувствовала, что помимо воли начинаю верить в эти диковинные речи. Внизу неразборчиво галдели, выделялся бас рыжего детины.

– Если ты веришь во всю эту мистику, почему ты не с ними, не внизу? – пришло мне вдруг в голову.

– Потому что они там говорят с собственными страхами, а это неинтересно.

– Но ты всех их позвал в гости...

– Ради того, чтобы пришла ты. Только для этого.

Испуг, уже овладевший моими невидимо трясущимися ногами, наконец нашёл дорогу к сознанию. Я стала выбираться из-под Рината. Он покорно дал мне освободиться. Но вместо того чтобы спуститься к остальным, я взяла свой бокал с пола и снова села. Ринат следил за мной, устроившись в другом углу дивана.

– Тебе нравится Юрий? – спросил он вдруг.

– Нет. То есть – да, он милый, но такой самовлюблённый. Мнит себя богом.

– Ты думаешь, это плохо?

– Ну да, считается, что гордыня – это грех.

– А ты не думаешь, что Юрий просто выпил вина и познал истину?

Я уже поняла, что Ринат – сумасшедший, поэтому не стала спорить.

– Он в отличие от нас не отделяет себя от Бога, мы все должны к этому стремиться, – пояснил он.

– В смысле?

– Ты знаешь притчу о том поэте, который в своём опьянении стал кричать: «Я Бог! Я Бог!» Его ученики решили, что поэтом овладел сатана, и набросились на него с ножами. Но вместо того чтобы ранить учителя, изрезали сами себя.

– Почему?

– Потому что поэт утратил свою личность, он слился с Богом и превратился в зеркало. Удары ножей, которые предназначались поэту, все достались самим же ученикам.

– Ты бы тоже хотел утратить личность? – обернулась я к Ринату.

– Я не могу, хотя пытаюсь изо всех сил.

Он тоже потянулся за бокалом и сделал глоток. Потом посмотрел на меня внимательно и пробормотал:

– Волосы...

– Что?

– Волосы на лице. Убери волосы, убери волосы! – бормотание его постепенно переросло в крик.

Я испугалась и вскочила с дивана, стряхивая со лба короткие пряди.

– Избавься от них. Волосы – это множество. Множество прячет лицо единства.

– Ну знаешь, Ринат, – обиделась я, – это уж совсем бред.

И побежала вниз по лестнице. Сердце у меня колотилось. Мне казалось, что Ринат сейчас догонит меня и убьёт.

Внизу я нащупала дверь на веранду, но та почему-то не поддавалась. Меня объял настоящий панический ужас.

– Откройте, откройте! – заголосила я, дёргая дверь за ржавую ручку.

– Это Патя, – слышался Маринин голос.

– Не верьте, не впускайте! – закричал кто-то из мужчин, кажется, Артур. – Он притворяется Патей, делает вид!

– Да, дух хочет нас обмануть, – заговорили все хором.

– Пожалуйста, – умоляла я, – не сходите с ума, мне страшно!

– Да, ребята, это не Патя, она бы так не вопила. На неё не похоже, – снова подала голос Марина.

Они все, я знала, столпились у двери и держались за ручку с другой стороны, и мои рывки их только подзадоривали.

– Патя... – позвал меня сзади Ринат. Сердце рухнуло в пятки. Я опёрлась спиной о стену и закрыла лицо руками. Но Ринат меня не тронул. Я слышала, как он прошёл мимо и несколько раз хлопнул ладонью в дверь. С другой стороны заохали и загудели.

– Испугались, все испугались, – тихо сказал он.

Я осмелела и убрала ладони. Лошадиное лицо Рината застыло напротив. Его было сложно различить в темноте, но по слабому табачному запаху я догадалась, что во рту у него незажжённая сигарета.

– Больше не стучит, – заметил голос с другой стороны двери.

– Нет, там кто-то есть, – предположил другой.

– Ну ладно, ребята, не будем доводить ситуацию до абсурда, – услышала я Юрия.

– С той стороны есть ещё одна дверь. В сад. Обойдём дом снаружи, – шепнул Ринат.

– Давай, – согласилась я и доверчиво подала ему руку, чтобы не оступиться.

Мой ужас куда-то улетучился, сменившись лёгкой насмешкой. И мы пошли по вечернему коридору в дождь.

2. Список невест

Поезд шёл через душную степь. К плацкартным окнам липли насекомые, и пассажиры маялись от бессонницы. Сразу после рассвета объявили о новой остановке. Из вагона, толкаясь и волоча за собою набитые хламом сумки, стали выкарабкиваться дети и женщины. На освободившемся месте появился новый высокий попутчик со знакомым Марату гордым лицом, длинными чёрными вихрами и спортивной сумкой через плечо.

Марат тотчас же вспомнил его подростковую кличку – Русик-гвоздь. Кажется, это было как-то связано с сапожником. Не вспомнить наверняка. Когда им было лет по двенадцать, они всё время подтрунивали над старикашкой, державшим обувную будку прямо на поселковом Проспекте. Проспектом называлась широкая и длинная колея, куда выходили ворота жилых домов. В дожди колея набухала и превращалась в канаву, по которой жители перебирались в калошах и на ходулях, брызгая и чавкая грязью.

Сапожник же, сидевший там в своей будке, как часовой, казался мальчикам отчего-то средоточием зла, ненавистным чудищем, заслуживающим безжалостной кары. Они взбирались на будку по двое или по трое, отыскивали любимую щель в крыше и, хихикая, совали туда пластмассовый носик кувшинчика, стянутого из уличного туалета. Вода из кувшинчика выливалась злодею сверху на голову. Некоторые ухари предпочитали бомбардировать старикашку горящими бумажными обрывками, запихивая их в ту же злосчастную щель. Сапожник, чертыхаясь, выскакивал наружу, грозил молотком, клокотал на своём наречии, пытался подпрыгнуть и схватить мальчишек за пятки.

Самым весёлым было улепётывать. Пока один отвлекал и пререкался, другие соскакивали с будки и бежали прочь, давясь от смеха. Бедолага никого не мог запомнить в лицо, но с Русика исхитрился как-то сорвать шапку, зажал её крепко под мышкой и начал горланить, размахивая торчащим из кулака колодочным гвоздиком:

– Я этот гвоздь твой башка забью!

Русик умолял вернуть шапку, но сапожник всё надсаживался:

– Гвоздь, башка! Гвоздь, башка!

Что было дальше, Марат не помнил, но кличка засела надолго, не хуже гвоздя.

– Русик, салам! – хлопнул он ладонью по столику.

Русик обернулся, и угрюмая складка на его лбу слегка распустилась. Начались, как водится, восклицания и рукопожатия. Оказалось, что он что-то преподаёт в кизлярском филиале университета и возвращается сейчас в посёлок после приёма экзаменов. Марат тут же забыл название предмета. Что-то связанное с экономикой. Ему не терпелось скорее свернуть на свежие поселковые новости.

– Что, Русик, скажи, Халилбека всё-таки посадили? Сидит?

– Ещё как сидит! В той самой тюрьме, которая в нашем посёлке!

– Надо же! До сих пор не верю!

– И наши не верят. Никто не верит. Боятся, ждут, что его вот-вот выпустят, коллективные письма пишут в защиту.

Да, Халилбек был той ещё птицей. Он не занимал ни одной официальной должности, но при этом контролировал недвижимость в посёлке и городе, а также чиновников всех мастей. Он являлся одновременно во все кабинеты, издавал собственные книги по благоустройству и процветанию всего мира, командовал бюрократами, якшался, как поговаривали, с бандитами, нянчил младенцев в подопечных больницах, кружил головы эстрадным певичкам и только больше полнел и здоровел от множащихся вокруг тёмных слухов. Без ведома Халилбека никто в округе не решался начать своё дело, купить участок, провести конференцию. Он вникал в дела, казалось бы, самые мелкие и вместе с тем стоял, если

верить молве, за главнейшими рокировками, пропажами и судьбоносными решениями. Отец Марата когда-то знал Халилбека лично, но общение оборвалось после одной неприятности, даже несчастья.

Был у Марата сосед Адик. Зашуганный мальчик, которого детвора постоянно дразнила плохими словами и обзывала сыном гулящей женщины. Жил он с бабушкой. Отец ребёнка и вправду был неизвестен, а мать, спасаясь от кривотолков, скиталась где-то по России, пока не вернулась домой умирать. Адик уже заканчивал школу. Он страшно стыдился матери, но по всей видимости простил её. И после того как та довольно быстро угасла от туберкулёза, долго ещё шатался по окрестностям сам не свой.

В детстве Адика постоянно лупили ровесники. Марату приходилось то и дело соседски защищать его от чужих тумачков. Вот Адик и ходил за ним как привязанный, чтобы не тронули. К тому же родители Марата постоянно Адика привечали, подкармливали и жалели.

Бабушка, его воспитавший, умер чуть раньше матери. Говорили, он и построил ту самую тюрьму, в которой теперь сидел Халилбек. Он был архитектором и увлечённым арабистом, хранителем редких средневековых рукописей, не только на аджаме, но и гораздо более загадочных – тысячелетней давности, выведенных древним алфавитом Кавказской Албании на бумаге местного производства. За сомнительное увлечение дореволюционным прошлым он в своё время поплатился местом в строительном управлении и оказался сослан сюда из города. Рукописи были изъяты и отданы в советские архивы, а потом то ли уничтожены, то ли потеряны.

Впрочем, бабушку Адика Марат помнил слабо. Разве что подтяжки и случайно подсмотренный под рубашкой ортопедический корсет – наследство от битвы под Сталинградом. Бывший архитектор был нелюдим, да и дружить ему на новом месте стало не с кем. Народ вокруг ютился мелкий, чернорабочий, насильно переселённый с неприступных гор и растворённый болотной степью. Не пирог – обгоревшие шкварки с противня.

А вот сам Адик очень живо вспоминался Марату. После школы мальчик никуда не поступил, слесарничал, сразу женился на подобранной Маратовой матерью тяжелогрудой, молчаливой ровеснице. Сам Марат постоянно ссужал его деньгами, тот мямлил неуверенным тихим голосом, что вернёт и, разумеется, не возвращал. Потом Марат уехал в Москву, где устроился юристом в адвокатской конторе и то и дело, наездами, помогал Адикку отбиваться от некоторых посельчан, зарившихся на его домик и пытавшихся его оттуда всеми средствами выкурить.

Перелом случился как-то летом, когда Марат приехал из Москвы и обнаружил, что у Адика, совсем ещё юнца, хоть и отца семейства, вдруг завелись приличные деньги, непонятно откуда взявшиеся. Адик утверждал, что устроился в городе, в музыкальном киоске, но эта версия была неприлично жалка. А вот денег хватило на чёрную «Ладу Приору» с красивым номером. На ней Адик раскатывал по Проспекту без всякой надобности, как бы назло всем тем, кто травил и мучил его с пелёнок. Марата он встретил в выглаженной рубашке и очень торжественно (разговор происходил на кухне) вытащил рублёвую пачку из алюминиевой банки с красной надписью: «Рис»:

– С процентами!

Марат отказался брать, но Адик разобиделся, почти разозлился. Пришлось уступить. Во дворе своего дома он затеял какую-то совершенно ненужную и спешную стройку. Твердил, будто делает флигель для гостей, хотя гостей у них с женой совсем не бывало. Жизнь они вели скрытную, смиренную, даже их младенцы-погодки совсем не ревели. А потом в посёлок приехал Халилбек, у него и здесь был запертый наглухо особнячок, буквально за поворотом от дома Марата. Неизвестно, чего ему приспичило самому сесть за руль и примчаться ночью, без охраны. И как так произошло, что Адик попался ему под колёса в глухой и позд-

ний час. Дело, конечно, замяли. Отец Марата пробовал разобраться, но с Халилбеком было не совладать. Адика похоронили.

Вот тут-то, уже после похорон, выяснилось невероятное. Марату признались шёпотом, что Адик был его, Марата, единокровным братом. И что мужчиной, от которого понесла и родила заблудшая чахоточная покойница, был его собственный отец. Но самым нелепым казалось то, что мать не только об этом знала, но ещё и оправдывала отца. Мол, Асельдера можно понять, он грезил о детях, а я больше рожать не могла по здоровью. Адика она любила почти как родного, а после смерти поминала его, всплакивая, чуть ли не каждый день. Пробовала забрать внуков, но жена Адика испарилась сразу после сорокового дня вместе с детьми, уехала на кутан².

В общем, у семьи Марата были личные счёты к Халилбеку. Русик во всё это не вникал. Расспросив Марата про Москву и адвокатскую контору, он снова стал угрюм и, почёсывая щетинистый подбородок, пялился на пролетающие мимо пустоши.

– Да плевать на этого Халилбека, – вдруг хмыкнул он, – меня другое достало. Наши бараны. Ты знаешь, я живу за «железкой», а там у них... как это, типа оппозиционная мечеть. Пристают каждый день: что ты к нам не ходишь? Да я и в другую мечеть не хожу, которая у Проспекта. Я вообще целый день или в Кизляре на занятиях, или в городе, в комитете. Езжу туда на велике. От этого тоже все бесятся. Почему на велике, почему не в костюме? А дома одно и то же: когда женишься, когда женишься? Причём, конечно, на своей хотят женить, чтобы нашей нации. А недавно в посёлке узнали, что я на танго хожу. О-о-о, прямо пальцем показывали...

– Да возьми и уезжай из посёлка!

– Легко сказать «уезжай». Меня разве отпустят так просто? Я – единственный сын, сёстры – маленькие, родители – упёртые.

– Ну и не ной тогда...

Марат глядел на Русика с ухмылкой. Тот был известен своими странностями. Поглядывал на поселковых презрительно, на проповеди не являлся, водил романы с городскими разведёнными художницами, изъяснялся иногда сложносочинённо, «как хохол», беспорядочно ударялся то в коллекционирование старых географических карт, то в нумизматику, то в зимние морские заплывы, как будто желая всем вокруг наперечить и выделиться, но быстро всё забрасывал и запирался дома на несколько дней тосковать. Поэтому ни велосипедная езда на работу в город (тридцать километров по грязи в одну сторону), ни занятия танго Марата не удивили. Он переспросил про женитьбу:

– А что, невесту уже нашли?

– Да они всё время кого-то находят и подсовывают, – скривился Русик, – как в зоопарке.

– Просто я тоже жениться еду.

– Ты? Жениться? На ком?

– Ещё не знаю. Нужно срочно найти. Свадьба уже назначена, и банкетный зал снят на тринадцатое августа, а невесты ещё нет, – скороговоркой объяснял Марат, катая вчерашние хлебные шарики по столу.

Мимо, по проходу поезда, окликая друг друга и посмеиваясь, перемещались люди с полотенцами, зубными щётками, кукурузными палочками, телефонами, бесконечным дребезжанием подстаканников.

– Ты шутишь? – встрепенулся Русик.

– Спроси у моих предков, шутят они или нет. Каждое лето приезжаю и срываюсь у них с крючка. В этот раз решили зал снять. Если не найду жену, деньги за аренду пропадут.

² Населённый пункт, административно входящий в горный район, но находящийся на равнине, в зоне отгонного животноводства. Возникает на месте пастушеских стоянок на зимних пастбищах.

Зал не супер-пупер, на окраине города. Самые лучшие, ты знаешь, за год бронируют. Но тысяча гостей поместится. Отец даже одну машину продал, чтобы деньги выручить. Я тоже экономлю. Сам видишь, в плацкарте... – Марат нервно засмеялся.

– От тебя не ожидал, Марат! Ты зачем на это ведёшься?

– Да я, если честно, и сам не против, пускай женят. Одному надоело...

Несколько секунд Руслан не отрывал от приятеля поражённого взгляда, потом тряхнул шевелюрой и, зажмурившись, лёг на полку. Марат встал и, размявшись, понёс звякающие в подстаканниках гранёные стаканы к баку для кипячения, «титану» на языке проводников. Плацкорт изнывал от жары. Толстые торговки с клетчатыми баулами расхваливали шифоновые шарфы леопардовой расцветки, покупательницы щупали ткани, совещались, шуршали деньгами.

– Чё, вацок³, чай захотел? – крикнул знакомый попутчик с верхней полки, сверкнув жёлтыми пятками.

– Да, прикинь, братишка, – засмеялся Марат.

Когда вернулся с чаем, Русик мгновенно приподнялся, упёрся локтями в столик. Стали размешивать сахар.

– А что там за контры в посёлке между мечетскими? Вроде драка была? – лениво почёсаясь Марат, присаживаясь.

– И не одна. Там же как... Была одна мечеть, имама выбрали.

– Ну?

– Но потом между тухумом⁴, который строил мечеть, и имамом возникли непонятки. Говорят, что из-за свободы воли, но настоящей причины никто не знает.

– Не понял...

– Смотри. Люди этого тухума считают, что все действия совершает только Аллах, даже те, что как бы принадлежат человеку. То есть всё предопределено сверху и свободы воли ни у кого из нас нет.

– А имам спорил?

– Имам учил, что Аллах узнаёт о поступках человека только после их совершения. И ещё что-то про сотворённость Корана. Мол, смысл вечен, а слова, которыми он выражен, сотворены и не вечны.

– И что, из-за этого подрались?

Русик хмыкнул:

– Сначала эти противники имама демонстративно перестали ходить в мечеть и принялись пугать людей, что имам – ваххабит. Уже сколько лет прошло, сейчас этого не так боятся, а тогда – считай, что приговор. Хотя, если вдаваться в эти их религиозные тонкости, он вовсе не ваххабит, а какой-нибудь кадарит⁵. Или, как его, мутазилит⁶. Но не важно. Вот собрали они спортсменов со всей округи, в том числе нескольких чемпионов мира и даже одного олимпийского, звякнули ОМОНовцам и устроили драку прямо внутри мечети – по словам пострадавших.

– Я слышал об этом, но ОМОН зачем?

– Ловить людей и на учёт ставить. Имама, естественно, сняли. Тогда его приверженцы ушли из мечети и основали свою, за «железкой». По слухам, Халилбек дал деньги. Но имама потом всё равно оттуда выжили.

³ Браток (*авар.* «вац» – «брат»).

⁴ Род в Дагестане.

⁵ Приверженец одного из исламских мировоззренческих учений, суть которого в том, что человек абсолютно свободен в своих помыслах и совершенных поступках, и Бог не принимает в этом участия.

⁶ «Обособившиеся, отделившиеся, удалившиеся» – представители первого крупного направления в исламской философской литературе. Относятся к кадаритам.

– Из новой мечети тоже?

– Да, ведь в конце концов мечеть за «железкой» и вправду стала ваххабитской. Он не сходил с паствой во взглядах.

– Ну а последняя драка из-за чего? Повод был?

– Да, бытовуха. Пацан из мечети с Проспекта чего-то не поделил с другим, который ходит за «железку». С этого и закрутилось. Прямо на моих глазах, после вечернего намаза. Я как раз вышел пройтись после ссоры с отцом. По поводу женитьбы ссорились. Стою и вижу – вываливает народ из мечети.

– За «железкой»?

– Да. Выходят, а за железнодорожными путями уже толпа собралась. Чуть ли не пятьсот человек. Ну, думаю, сейчас будет каша. И, смотрю, кто-то крикнул «Аллау Акбар», побежали друг другу навстречу. К рельсам. Кто-то стал бросаться камнями, и с той, и с другой стороны. Выстрелы в воздух, крики... Я и ещё несколько свидетелей бросились успокаивать, разнимать. И тут подъезжает штук десять «Уралов» с ментами. Мне потом сосед говорил, что менты были в курсе и с проспектовскими заодно. Но мне ото всех тошно. Ты бы знал насколько!

– Да ладно тебе, Русик, тебя же сильно не трогают.

– Меня не трогают? Забегает на той неделе сосед, тот же самый, и давай раскачивать: Мирзика похитили, Мирзика похитили! Вечером звонил домой, должен был купить хлеб и через десять минут приехать – и пропал!

– А, знаю Мирзика!

– Да кто его не знает! Двоежёнец бородатый. Ну вот, Мирзик пропал, и тут же – обычная новость: на въезде в город дорожный патруль пытался остановить подозрительный автомобиль, но водитель открыл по нему огонь. А потом ответным огнём был уничтожен. Оказалось, Мирзик.

– Что, правда?

– Ну сосед кричал, что неправда, что всё подстроено, как они обычно орут, тут не разберёшь. В общем, давай из него святого делать. Напиши, говорит, про Мирзика статью, ты умеешь. Я им объясняю: в жизни статей не писал, я – преподаватель. Но они как с цепи сорвались. Долдонят мне про его доброту. И требуют, чтобы я обязательно про клубничный кекс в материал впендюрил.

– Какой ещё кекс?

– Ну жене соседа (она на сносях) захотелось клубничного кекса и она написала об этом в какой-то виртуальной группе. Жена Мирзика про это прочитала и сообщила Мирзику. Они в это время в машине куда-то ехали. И якобы Мирзик мгновенно развернулся и полетел в кондитерскую покупать соседской жене эту самую сладость.

– Ангел, а не человек.

– Да не то слово. Теперь на меня зубы точат, что я писать отказался. Да много чего накопилось. То, что танго танцую...

Марат отмахнулся:

– Побольше их слушай!

– Да я спасался только тем, что для людей Халилбека кропал диссертации. Все это знали и меня не трогали. Халилбека боялись. А теперь он в тюрьме...

За окном потянулась канавка с плакучими ивами, мусорные горки и неподвижные силуэты жующих жвачку коров.

– Вот-вот подъедем, – заметил Марат.

Через некоторое время показалось кирпичное здание станции, состав затормозил, и вскоре они уже шли по перрону. Очень далеко темнели контуры предгорий. Посёлок, родив-

шийся здесь лет пятьдесят назад у станции, начинался сразу за ней, разрастаясь коричневыми кварталами в стрекочущую степь. После засухи грязь на улицах спеклась и крошилась.

На повороте Русик перевесил спортивную сумку на левое плечо, подал Марату руку и, хмурясь то ли от солнца, то ли по своей обыкновенной унылости, потопал, тряся вихрами, через мост над железнодорожными путями. По ним, чух-чухая по направлению к городу, уже разгонялись скрипучие вагоны поезда.

Посёлок под надвигающимся зноем обезлюдел, и до самого дома Марат ни с кем не столкнулся. Отец и мать встретили сына принятым здесь показным холодком, но было ясно, что очень рады.

– Как там в поезде, Марат? Не грязно? А полотенца дают? – не умолкала мать.

– Что у вас там за дело в конторе разбирается? Я слышал, громкое, – наседали с другой стороны отец, крикая и то и дело вытирая обеими руками бородавчатое лицо, – убийство правозащитницы. Подозревают наших. А кто заказчик, известно?

Марат намыливал руки у раковины и отвечал отрывисто. Ему не терпелось сесть за накрытый стол, где уже, конечно, дымилась миска с хинкалом⁷ из гороховой муки, ждали бульон и сметана с раздавленным чесноком.

– Ты лучше скажи, как Халилбека взяли, отец, – улыбался Марат, опускаясь на табуретку и берясь за вилку, – мне Русик в поезде ничего толком не объяснил.

– Какой Русик? Танцор балета, что ли? – встряла мать, поправляя шпильки в расползающемся пучке.

– Какого балета, мама? Что ты издеваешься?

– Никто не издевается! – резко одёрнула мать. – Так люди про него говорят. Ходит по посёлку, как жар-птица ошипанная, петух без перьев, а думает, что он лучше всех. Самомнение – страшный грех, Марат.

– Не начинай, пожалуйста. – Марат поморщился.

– Вот Халилбек тоже думал, что он сел на высокую ветку, его никто не клюнет, а прилетели коршуны и унесли. Даже Халилбека унесли.

– Хватит, да, слушай, со своими коршунами, – вмешался отец. – Ты лучше его имя громко не произноси, мало ли.

– А я не боюсь, Асельдер! Это ты его боялся! Он твоего сына убил, а ты хвост поджал, как трусливый волк перед охотником.

– Перестань, да, слушай.

– А те ваучеры... Помнишь? Двадцать лет назад. Кто тебе не дал продать те ваучеры?

– Акции.

– Да какая разница! Не дал Халилбек! Уговаривал как бешеный не продавать, и ты не продал, послушался. Доверил. А Магомедовы продали и на эти деньги участок купили в городе. А мы живём, как колхозники, в посёлке!

– Надоела, слушай, сколько можно вспоминать про эти акции...

– А игровой дом! Кто игровой дом построил в посёлке, кто молодёжь портил лохотронами, автоматами? Халилбек!

– Мама, – оторвался от миски Марат, – он такие дела воротил, а ты чёрт-те что вспоминаешь, детский сад разводишь. Всё, можешь успокоиться, посадили его.

– Ещё неизвестно, окончательно или нет, – замотал головой отец. – Его же три раза брали. Смешно, слушай. Первый раз взяли. Обыск, туда-сюда, народ на ушах, журналисты уже смакуют. Потом вечером Халилбек делает заявление, что никто его не вязал, он на свободе и всё у него хорошо. И полиция не опровергает. Через две недели то же самое!

⁷ Традиционное блюдо, имеющее множество вариантов (у каждой народности – свой). Аварский хинкал – блюдо из пампушек варёного теста, кусков варёного мяса, бульона и разнообразных соусов.

– Что за бред?

– Клянусь! И только на третий раз, когда уже никто не верил, запрятали по-настоящему.

– Я очень рада, очень, – опять затараторила мать. – Пускай там сгниёт вместе с ремешком от своей проклятой кобуры. Адик, какой светлый мальчик!

– А что с его домом? – неожиданно оживился Марат.

– Адика? – взметнул брови отец. – Так его жена продала этот дом какому-то типу из полиции. Он сам пришёл и объяснил, бумаги показал.

– Представляешь, какая наглядка? – снова раскалилась мать. – Я её нашла на молочной ферме, думаю, дочка моей троюродной племянницы, работающая девочка, как раз для Адика, на ноги его поставит, а она! Мало того что детей забрала с концами, так ещё и втихую дом продала. А нам ничего! Всё себе в карман!

– А ты что хотела? Что ты чужие деньги считаешь? – заныл отец.

– И буду считать. Кто этого мальчика с детства одевал и кормил? Кто? Она, что ли? Пришла на готовенькое. Вот сейчас все молодые такие. Не успела замуж выйти, сразу квартиру ей подавай или дом и машину. А горбатиться за них семьи мужей должны.

– Ну всё, уже не остановится, – пробормотал про себя отец, доставая откуда-то из-под себя газеты.

– И машину Адика, и дом – всё этот полицейский купил.

– Не простой. Полковник, – вставил отец, не отрываясь от газеты.

– Полковник... Да хоть бы генерал. Не хочу я такого соседа. Теперь каждый день просыпаюсь от плохих снов. Думаю: а если этому менту под бампер взрывчатку поставят, то и в нас попасть может. Мы же рядом совсем.

– Да проверяет он бампер. Каждое утро выходит, проверяет, – точно так же, из-за газеты заметил отец.

– Проверяет он! Лучше бы он поменьше на свадьбах гулял, – не прекращала мать. – И людям носы не сворачивал. Привыкли пытаться в своих подвалах...

– Ты о чём, мама? – удивился Марат, успевший отвыкнуть от материнского темперамента.

– А о том, что этот полковник или генерал, я не знаю, вернулся пьяный со свадьбы начальника...

– Из города, – вклеил отец.

– Да, из города, где мы, к сожалению, не живём, а печёмся в этом коровнике без навеса. И вот, вернулся он со свадьбы и пристал к сыну Мухтара. Ну, у которого ишемия и забор не крашеный два года, стыдно должно быть, куда жена его смотрит...

– Мама...

– Ну, пристал к сыну Мухтара. Типа: я из шестого отдела, а ты кто такой? С ним ещё дружки были, оттуда же. Ну, сын Мухтара, Алишка, он законы знает, сразу попятился и удостоверение попросил. Тем более что коньяком воняло на всю улицу. А полковник тут ему и врезал в нос с разлёту и нос сломал аж в трёх местах. И дружки навалились. Стали колошматить. Один по животу прыгает, другой на грудь сел верхом. Ужас! И удостоверение ему суют, издеваются, типа, смотри, любуйся. Но Алишка сумел одного ногами пнуть так, что тот в канаву отлетел.

– Ты сама это видела, слушай? – бросил отец газету. – Что ты сочиняешь?

– Мне Мухтар рассказывал. Сына изуродовали, а теперь дело хотят пришить за насилие в отношении представителя власти.

– Да этот сын за «железку» ходит, ещё неизвестно, чему их там учат. Просто так полицейский ни к кому не подойдёт...

– Ха-ха-ха, – громогласно засмеялась мать, – ты хоть сына не смей, он у тебя адвокатом в Москве работает, ещё не такого навидался.

– Мама, ну я, конечно, навидался, но ты тоже кидаешься делать выводы. И дома, я давно заметил. Спрячешь куда-нибудь нужную вещь или деньги, а потом не можешь найти и сразу всех обвиняешь. Строишь сценарии: кто стащил, когда, каким способом.

– Правда, правда, – закричал опять отец.

– Ну вот, пожалуйста. Приехал, чтобы мать пилить. С отцом заодно, – возмущённо замерла мать, до того активно переставлявшая посуду у раковины. – Ты тут особо не расслабляйся. Ты же знаешь, что банкетный зал снят на тринадцатое и деньги уплачены.

– Вот не надо сейчас...

– Надо. Иначе ты до старости не женишься. Как дед Исхак, который с ума сошёл и каждую ночь в могилу ложился вместо постели. И «ясин»⁸ сам над собою читал.

– Ты хоть дай человеку отдохнуть, два дня в поезде трясся, – вступился за Марата отец.

– А ты, Асельдер, ему дурную услугу не делай. Сам-то куда без меня. – Потом как будто вспомнила о чём-то, метнулась к плите. – Всё, Марат, бери чай, я с чабрецом заварила. Пей, а я сейчас сбегая за списком. И ты, Асельдер.

Мать хлопнула на застеленный японской клеёнкой стол тяжёлые чайные ложки, поднесла, держа за не успевшие нагреться краешки, горячие стаканы с чаем и умчалась, опять на ходу поправляя упрямые шпильки в посеребрённых годами волосах.

– Фуф, – выдохнул Марат, улыбаясь.

Отец не заметил его улыбки. Он сосредоточенно дёргал себя за мочку уха и молчал, задумавшись.

– О чём думаешь, отец?

– Я? – переспросил тот, очнувшись и пересаживаясь к столу. – Я думаю, что хорошо бы тебе от Русика этого балетного подальше.

– Ты что, отец?

– Мне его родные говорили, он на женщин вообще не смотрит. На борьбу не ходит. Вместо борьбы какие-то парные танцы у него, кадрили.

– Танго...

– Танго-манго. А прошлую зиму всё время плавать ездил в море, как больной. В ластах.

– Отец, умоляю, ты кого слушаешь? Русик – нормальный пацан.

– Тем более он у мечети за «железкой» живёт.

– Да он никак с религией не связан. Ему вообще всё это по барабану.

– Вот и это тоже плохо, если по барабану. Эти мечети тоже... Ты не знаешь, что вчера было?

– Да тут каждый день что-то.

– Короче, Духовное управление прислало за «железку» своего собственного имама. На замену тому, которого они после основания выбрали, ещё несколько лет назад. Из города, значит. И этот назначенный имам на «Приоре» прикатил, а с ним ещё много машин со спортсменами, автоматчиками. Чуть снова драка не случилась.

– А чего это Духовное управление обостряет?

– Раньше, наверное, им Халилбек мешал. Он же опекал эту новую мечеть, деньги давал. А теперь они думают, раз Халилбек в тюрьме, запросто можно своего человека поставить. Но народ такой сплочённый там оказался. Они своего имама на руках носят. И не пустили его сменить.

– Они все «вахи» в этой мечети? Вместе с любимым имамом?

– Откуда я знаю, Марат? Сейчас разве можно понять, кто есть кто. Но, думаю, зря муфтият так осмелел, что новых имамов вместо старых, избранных, силой навязывает. Халилбек тоже ещё выйти может.

⁸ Сура из Корана, которую читают над умершими.

– Всё-таки побаиваешься, – не удержался Марат, допивая чай.

– Ле⁹, ты что, думаешь, ты в Москве адвокат, значит, отцу можешь хамить, – вспыхнул отец.

– Да ты что, извини, я же просто...

– Что просто? У меня заводделом в Институте то же самое говорит, что я говорю. «Побаиваюсь»... Ты бы других видел! Никто против Халилбека и пискнуть не смеет. Кроме твоей глупой матери. Выжидают, кто победит.

Послышались шаги, и на веранду вернулась мать с исписанной бумажкой и ручкой в крупной руке.

– Я пошёл, – засобиравшись вдруг отец.

– Куда? – громко поинтересовалась мать.

– К Шахмирзе.

– А, ну иди, только смотри, у них не кушай. А то жена Шахмирзы, наверное, думает, что я тебя голодом морю и ты к ним за даргинским чуду¹⁰ бегаешь.

– Молчи, слушай. Лучше свой список разбирай, – привычно клекотнул отец.

И вышел на крыльцо обуваться.

– Ну, смотри, – начала мать, доставая из кармана халата очки и расправляя свою бумажку со списком подходящих девушек на выданье, – первая у меня идёт дочка Бариятки.

– Ну, нашла, с кого начать. Она же двух слов связать не может, – запротестовал Марат.

– А тебе нужно, чтобы она с трибуны выступала? Смешной ты тоже, Марат. Главное, чтобы с совестью была, а не такая, которой лишь бы хапнуть. Как воровка, про которую Зарема мне рассказывала...

– Мама...

– Заремина односельчанка, оказывается, сначала жениху согласие дала, золото с него получила, а потом сбежала в другое село с золотом и за другого вышла. Теперь её семья от позора за порог не суётся. Компенсацию собирает.

– Ну что за глупости? Это явно сама тётя Зарема придумала, у неё подходящее воображение. Кому это золото вообще нужно?

– Что значит, кому нужно? Я для твоей невесты уже сто тысяч отложила. И магазин присмотрела в городе. Схожу с ней, пускай сама выбирает на эту сумму. Заодно на вкус её посмотрю. Если крупные цацки выберет, которые на три километра блестят, мы, может, отворот-поворот сделаем. Зачем с цыганской дурой связываться?

– Да про Барияткину дочь сразу понятно, что дура.

– А ты что, с ней разговаривал?

– Я её страницу в интернете видел. Всё время саму себя фотографирует. А ещё картинки: котята, дети читают Коран, статус «я – дерзкая персона с 05 региона», состоит в группе «Красоточки-дагестаночки-мусульманочки»... Вычёркивай!

Мать вздохнула с непониманием, покусала губу, занесла ручку над нужной строчкой и, помедлив, вычеркнула.

– Кто там следующий? – зевнул Марат.

– А что ты зеваешь? – покосилась на него мать. – Вот послушаешь Сабрину, у тебя эти зевки в кишках застрянут и до рта не дойдут.

– Какая ещё Сабрина?

⁹ Обращение к мужчине в Дагестане.

¹⁰ Традиционное блюдо в виде печённых на сухом противне, а затем смазанных маслом и присыпанных толченым очень тонких круглых лепёшек, начиненных творогом, зеленью, тыквой и др. Даргинские чуду гораздо толще и начинены мясом.

– О, такая умница! Как академик! Из семьи Шаховых. Отец – военный, мама кардиолог, дедушка директором театра был... Золотая девочка! Медицинский на красный диплом закончила.

– Фотография есть? – полушутя-полусерьёзно полюбопытствовал Марат.

Но мать как будто готовилась к вопросу. Полезла рукой в карман и вытащила фотокарточку, с которой холодно глядела тонкогубая красавица с длинными тёмными бровями.

– Откуда фотографию взяла? – удивился Марат.

– У Фирузы с Проспекта попросила.

– А у Фирузы она откуда?

– Фирузин покойный муж вообще-то был братом Шахова. И сын её Шах, с которым вы на юрфаке учились, двоюродный брат Сабрины.

– А, так это сестра Шаха. В городе живут?

– Рядом с центральной площадью! Пойдём к ним в гости прямо завтра. У них там дядя полгода назад от инфаркта умер, так что предлог есть. Выразим соболезнование, а вы приглядитесь друг к другу.

– Ну ладно, посмотрим. Кто там ещё в списке?

– Луизина племянница. Луиза так много про неё рассказывает. В детстве в ансамбле танцевала, сейчас учится вроде бы на экономиста. Видела её на одной свадьбе, – ну прямо тростиночка! И меня узнала, подбежала, давай целовать, обнимать, хотя я её только в детстве видела. Вот это я называю – хороший характер. Будем у Абдуллаевых на сватовстве, там на неё и посмотришь.

– Ты хоть имя-фамилию её скажи, я в интернете найду сначала, посмотрю, что за фрукт.

– Да я сама тебе её вживую покажу, к шайтану твой интернет!

– Ну а дальше кто?

– Дальше с работы Асельдера...

– Из отцовского Института?

– Да, у них в отделе молодая специалистка работает, активистка, секретарь. Я не хотела её в список вносить, пока сама не посмотрела. Специально пошла к Асельдеру на работу. Смотрю: деловая такая, подвижная, не пропадёт. Там же в кабинете косметикой торгует.

– Да, мама... Какой-то бедный выбор...

– Что значит, бедный? Я знаешь, скольких отсеяла, скольких перебрала, всю округу опросила. Хотела Муишкину дочку, но во дворе о ней нехорошо отзывались. Потом думала Курбановых, но потом узнала, что они с Халилбеком сильно дружат, и сразу себе сказала «нет!», – занервничала мать. – Сам найти никого не можешь который год, а меня критикуешь! Вот, следующую ты знаешь – Заира.

– Заиру сразу убери.

– Почему это «убери»? Своя, поселковая, толковая.

– В косынке ходит.

– Не в хиджабе же! Замотанных я сама терпеть не могу, а в косыночке – что? Очень мило.

– И молится. Даже думать не хочу.

– Это тебя Русик против молящихся настроил? Отец тоже молится, и что? И в хадж, иншалла¹¹, поедет...

– Мама!

– Хорошо, хорошо, вычёркиваю.

– Хадижа! – послышался во дворе женский голос. – Ты дома?

¹¹ Если будет на то воля Аллаха (араб.).

Мать встрепенулась, сложила бумажку и фотографию Сабрины в карман и звонко откликнулась:

– Ты, Зарема? Дома, дома, заходи.

Марат встал и, не дожидаясь появления гостыи, отправился в ванную.

3. Бедная грешница

Я прилетела домой из Москвы, и мама кинулась с порога меня отчитывать:

– Ты, Пятя, совсем распустилась у брата. Я зачем тебя к нему отправляла? Чтобы он вправил твои кошачьи мозги! А вместо этого они совсем набок съехали. Это, наверное, всё Люсино влияние.

Оказалась, мама узнала от брата о моей ночёвке на даче. Ночёвка эта от начала и до конца казалась теперь странной и неправдоподобной. Мне не верилось, что я и вправду лежала с полупознакомым мужчиной на старом диване, как мумия, слушая сумасшедшую чушь про ножи и поэтов. А то, что нагромоздилось после... Худющий павлинчик Юрий уединился с девушкой в пышной юбке. Девушка оказалась состоятельной дизайнершей, рвущейся, как она выражалась, к сердцевине жизни. Внезапная страсть настолько её перепახала, что наутро после дачной гулянки девушка настойчиво увязалась к Юрию в городскую квартиру и собственноручно вымыла тряпкой все его грязные холостяцкие полы. Марина, передавая мне эту сплетню, заливалась смехом.

Впрочем, она и сама вступила в скандальную перепалку с полумальчиками в пиджаках. Обозвала их модными бездельниками и нарывом на теле родины. Православный Кичин её поддержал и как-то обидно намекнул на их женоподобность. Мужчина с лысой макушкой и хвостиком, ратовавший весь вечер за ценности свободы и гуманизма, кинулся за это на Кичина с воплями «Паскуда!» и «Варвар!». Замешалась драка, спиритическое блюдо разбилось вдребезги. Артур залез под кухонный стол и рыдал как помешанный, я так и не разобралась из-за чего. В общем, мысли о дачной поездке смущали.

Ну а в посёлке было знойно и пыльно. Не успела я переодеться с дороги, как меня заставили выбивать на солнце подушки и чистить ковры удушливо пахнущим керосином. Мама всегда нагружала меня хозяйственной работой после долгой разлуки, пытаясь восполнить всё пропущенное и недоделанное.

Папа по обыкновению чинил молочный сепаратор и молчал. Всемогущий Халилбек, у которого он трудился механиком, теперь сидел в тюрьме, таившейся на окраине посёлка и пугавшей окрестную детвору. Папа никак не мог с этим свыкнуться. Он всегда гордился тем, что Халилбек ему доверяет и даже иногда снисходит до беседы. Во время истории с дурачком Адиком, которого Халилбек сбил на своём джипе, папа проходил как свидетель, потому что время от времени чинил и хорошо знал злосчастный автомобиль. Ответчик был быстро оправдан, а папа получил вознаграждение.

Накеросинив ковры, я сидела на тахте рядом со спящей бабушкой и прислушивалась к тиканью часов. Папа куда-то смылся. Мама заперлась в спальне со стопкой потрёпанных детективов. Соседки считали её лентяйкой. Она редко отрывалась от незатейливого чтения, всё время жаловалась на головную боль и заговаривала с папой, только когда нужда припирала.

Когда-то маме вдолбили в голову, что она из хорошего рода: её прадед был первым землемером района, отец заведовал типографией, все отдалённые предки рубились в известных сражениях, имена этих предков, звучащие на слух, как скрежет и треск крошащегося металла, прославлялись в народных песнях. За папу она, по собственным словам, идти не хотела и как будто за него краснела. В минуты особенного раздражения, когда тот её не слышал, мама выплёвывала с невыразимой горечью «сын чабана!» – и брезгливо поджимала бледные губы. Папа чувствовал мамино, ею же выдуманное превосходство, переживал, что жена стыдится звать в гости бывших подруг, но всё прощал то ли по лени, то ли по добродушию.

Теперь у мамы появились новые напасти – гарпия Люся, отнявшая любимого сына, и моё затянувшееся девичество. Я даже подозревала, что, отправляя меня в Москву, мама надеялась на чудо. Бесплодная Люся не выдержит моего назойливого присутствия и сбежит, а я наконец найду в большом городе подходящего мужа. Но не дождавшись ни того ни другого, совсем ушла в хандру. Распухшие от сырости, зачитанные детективы и мокрая марля, сложенная на лбу, остались единственным спасением.

Бабушка спала, надвинув белый платок на глаза и зажав в правой руке янтарные чётки. Мой папа был её сыном. В тяжёлом сундуке в дальней комнате она до сих пор хранила его старую соску – розовую, как свиная кожа, резинку, похожую на цилиндр с холмиком. В этом же сундуке плесневели обсыпанные лавровыми листочками, бывшие когда-то драгоценными, а теперь никому не нужные ткани. Бабушка уверяла, что это моё приданое.

Никто не находил её древней старухой, но мир, в котором она витала, абсолютно не вязался с нашим. В том мире люди всё ещё жили в высокочерных замках с плоскими крышами, делили поля и сенокосы строго по вековым правилам, отправляли молодёжь к побеждённым соседям попить за их счёт, требовали после случившихся убийств очистительной присяги от сорока человек, взыскивали штрафы зерновыми мерками, медными котлами, быками и овцами. Воспоминания эти ускользали в какую-то совершенную глубь веков, и совсем не верилось, что она успела застать ту странную жизнь самолично.

Бабушка была родом с горного склона, на котором издавна по единым законам жили союзники из двадцати пяти сёл. У подножия склона бурлила река, и бабушкины истории то и дело вертелись вокруг большого моста, переброшенного жителями через неё. Мост положено было охранять всем мужчинам союза по очереди, и бабушкин дядя, отказавшийся как-то из упрямства от этой важной обязанности, поплатился за своеволие шалью. Шали, судя по бабушкиным высоко взметнувшимся во время рассказа бровям, имели в ту пору огромную цену.

Что уж говорить о человеке, виновном в поджоге моста. Его изгоняли из общества, а с изгнанником и его имуществом можно было творить что угодно. Правда, как-то нашёлся в их обществе мельник, решивший переселиться со всей семьёй по собственному желанию, дело было уже при советской власти. За этот поступок по местным законам всё мельниково добро осталось жителям склона, и тот уехал ни с чем.

Глашатаи в бабушкиных воспоминаниях карабкались на минареты и объявляли время посева и сбора, а того, кто пробирался на поле и начинал жать или сеять раньше срока, особнячком, неизменно карали. Даже за гроздь винограда, сорванную раньше времени, взымали пеню и подвергали нетерпеливых отчаянным насмешкам и суровым штрафам. Как-то у бабушкиных соседей специальный дозор нашёл во дворе виноградные косточки за несколько дней до всеобщего праздничного сбора, сопровождавшегося обычно шуточками, весельем, раздачей плодов беднякам, муталимам¹², пришлецам и тем, кто сам не держал садов. За нарушение запрета у соседей изъяли корову, а главного наглеца, покусившегося на гроздь, с перемазанным сажёй лицом катали по селу на осле.

– Зачем же такая строгость? Почему вам запрещалось ходить на собственные поля, когда заблагорассудится? – беспрестанно теребила я бабушку.

– Какой же это был бы порядок? – восклицала та на родном языке. – Если бы каждый работал наперекор полевым исполнителям, то дела пошли бы наперекосяк у всего союза.

Но моя любимая история была о прелюбодеях. Убийцу прощали лишь тогда, когда ему удавалось застигнуть негодяев вдвоём, в порочном переплетении. Но когда разъярённый мститель ловил и убивал только мужчину или одну только женщину по отдельности, это

¹² «Думающий, размышляющий» (араб.) – ученик в мусульманской религиозной школе.

каралось уплатой тридцати коров наследникам павших, одного отборного быка сельчанам и штрафа всему союзу. Всё это взималось в течение трёх дней с момента преступления.

Бабушка как-то призналась нехотя, что в отрочестве заметила прелюбодеёв на общинном лугу и немедленно сообщила мужу разгульницы. Муж застал и убил обоих любовников в нашёптанном бабушкой месте, и ему за это по праву ничего не было. А через пару лет он взял себе новую благоверную – подростковую бабушку.

Я вытряхивала из неё по крупичкам всё, что осталось в старческой памяти от событий свадебной недели. Бабушкины отец с братьями в день свадьбы исчезли и не возвращались домой до конца торжеств, как будто чувствуя неловкость и неудобство. Кроме музыкантов и певцов гостей развлекали шут в козлиной маске, канатоходцы и ряженые. Шут чего только не выделял! То переодевался в женскую одежду и корчил из себя беременного, то пародировал жениха и подшучивал над гостями.

Бабушка по обычаю перекочевала накануне замужества в дом наставницы, а жених – в дом дружки, выбранного для этой цели ещё при рождении. Утром процессия с зурной и бубном препроводила молодых из гостевых пристанищ в родительский дом жениха. Дружка шёл с длинной палкой, молодёжь несла жениха на плечах, а сама бабушка шествовала обвешанная серебряными подвесками, под тонким платком, закрывавшим лицо. С укатанных крыш на неё сыпались зёрна пшеницы, мучная пыль и белый рис.

У порога сразу после танца новобрачных обитатели склона закружились в лезгинке. А в жениховском доме невесту ввели в специальную комнату, где она и сидела весь день, не вставая с мешка муки, пока к вечеру не пришла пора возвращаться к наставнице. Жених с дружками угощался в другом помещении, расположившись перед широким подносом с девятью ритуальными сладостями и наряженным фруктами деревцем. Поднос этот, по уверениям бабушки, назывался жениховым ухом, и я представила его как круглую антенну, поднесённую к небу в мольбе о процветании.

После полудня бабушкина свадьба, которая игралась уже в четырёх домах: у жениха, у невесты (в отсутствие близких мужчин), а также у двух временных опекунов, перетекла под новую крышу. Один из гостей изощрился и похитил жениха под носом у прошляпившей свиты. Свиту отштрафовали за разгильдяйство, и свадьба переехала к удачливому похитителю, которого объявили жениховым братом. Гуляния продолжались шесть дней. На третий бабушка показала лицо, на четвёртый отправилась за водой к роднику с серебряным кувшином и неизменной процессией, которая то и дело останавливалась потанцевать.

Потом, в другой раз, я услышала от неё, что был и шестой, тайный дом, устроенный для ночных свиданий свежеепечённых супругов. В этот самый тайный дом, принадлежавший одной из бабушкиных родственниц, невесту вела наставница, провожая по арочным улочкам под покровом тьмы, таясь от охотившейся за новобрачными, машущей факелами молодёжи. Так же осторожно и секретно дружка вёл жениха.

– Правда, нас всё равно выследили, – лукаво улыбалась бабушка, – запустили в окно петуха, стали кидать котят в дымоход, метать камни, разобрали крышу, чтобы следить за нашими препирательствами.

– Какими ещё препирательствами?

– Такими, какими положено. Я обзывала твоего деда последними словами, только стены тряслись, да и он не отставал. Мебели мы переломали много, и кружек глиняных разбили десять или двенадцать.

– Зачем?!

– Как зачем? Чтобы злые духи поверили, что мы не сладили, и оставили нас в покое. Да к тому же как не противиться, если ты порядочная невеста? Для меня и палка в углу была специальная заготовлена, чтобы я жениха отлупила. Он брыкался, горланил, что любит

другую, а на мне жениться его заставили. Но и я не отмалчивалась, кричала, что жизнь моя с ним превратится в адское пекло. Молодёжь на крыше слушала и хохотала.

– Как вы могли такое нести?

– Ну разве мы взаправду ссорились? Вовсе нет! Так было принято. За горой, в соседнем союзе, и вовсе целую неделю, пока шла свадьба, молодожёны друг друга душили и поливали водой. Смеху, говорят, бывало! А у нас три раза палкой постучишь, пошумишь в комнате, и довольно.

Вдруг подумалось, каково бы мне было оказаться в том утраченном времени. Я бы ни с чем не справилась: на мешке бы не высидела, воду в кувшине не донесла бы... Я уже начала сползать на тахту, на которой лежала бабушка, погружаясь вслед за ней и её необъятным белым платком в дневную дрему, как из спальни, мучительно массируя лоб большими пальцами, выглянула мама и подозрительно сладким голосом приказала надеть плиссированное платье.

Меня отправляли на встречу с детьми Магомедова, когда-то обитавшего в нашем посёлке, неплохо разжившегося на операциях с ваучерами и застреленного за это в прошедшее лихолетье. Его вдова, продолжавшая перезваниваться с мамой и после переезда в город, лишь только о том и мечтала, как бы свести со мной свою дочку, и в особенности сына-ветеринара. По крайней мере так выходило по словам мамы.

– Такой порядочный, такой достойный, – напевала она привычные мантры, заведя меня в комнату и принимаясь рыться в платяном шкафу. – Ветеринар...

Глухое плиссированное платье вынырнуло на свет. Оно ужасно мне не шло и навевало тоску всеми своими мучительно мелкими складками, но мама сшила его у знакомой портнихи и смертно обижалась, когда я отлынивала от её подарка. На сей раз я не стала спорить и покорно согласилась и на платье, и на глупую встречу, лишь бы только вырваться в город. Скучный посёлок с вездесущими коровами с непривычки давил на глаза и уши.

По пути к маршрутке я встретила Аиду, бывшую одноклассницу. Она стояла у своих ворот в повязанном в виде тюрбана платке и ярко-жёлтом велюровом халате с металлическим тазом в руках.

– Вай, Пятя! С приездом! Как там Москва? – засмеялась, чуть не роняя таз. – Куда собралась?

Я объяснила ей, что еду в город.

– Не засватали ещё?

Ну конечно. О чём ещё мог быть вопрос? У самой Аиды росли три малыша. Она раздобрела в замужестве, отъела бока, расплылась в вечной самодовольной улыбке.

– Слушай, – вдруг перешла она на шёпот, – вернётся, постучи обязательно ко мне, Амишку жених бросил. Мы должны к ней зайти, утешить.

– Как? – выдохнула я.

После этой новости встреча с ветеринаром встала как кость в горле. Мне не терпелось вихрем вернуться, чтобы узнать подробности Амишкиного несчастья. Всю дорогу до города я злилась на мамину затею, на детей Магомедова, на своё дурацкое платье.

Дети Магомедова ждали меня в самом центре, в новой кофейне. На улицах автомобили резко и шумно тормозили на поворотах, пускали пыль, сигналили и гремели музыкой. Торговки квасом перекрикивались с маршруточниками, под навесами кафешек журчали споры, работяги буравили что-то на крышах, а бездельники сбивались в кучки вдоль тротуаров, изучая прохожих и наруганных модниц, надменно балансирующих на шпильках...

Свадебные салоны через каждый шаг. Бутики европейских дизайнеров, центры свадебной мусульманской моды, кринолины, шлейфы, дымчатые шали, меховые горжетки, эксклюзивные коллекции... Плакаты «Аренда залов для сватовства», новые обложки бесчисленных журналов о свадьбе: советы бывалого тамады, признания звёзд-молодожёнов, реклама

модных салонов красоты со спецпроцедурами для невест, шёлковые нити, ревитализация, интимная эпиляция лазером... Все кругом только и делают, что женятся, женятся. Как будто нет других занятий. Я пробежала пару кварталов и нырнула в прохладный зал кофейни.

Дочь Магомедова оказалась приятной щебечущей толстушкой, которая тут же, за чаем с безешками, выложила все свои радости и увлечения. Она чирикала и про свои рисунки гуашью, и про сломавшийся накануне вязальный крючок, и про любимые книжки, и про кота, оплешивевшего от какой-то заразы. Сын Магомедова, ветеринар, всё это время сидел, приклеенный к стулу, и не вставил ни единого междометия. Молчал даже тогда, когда говорили о лысом коте, хотя, казалось бы, должен был оживиться. Выглядел он совсем немолодо и, по правде говоря, уродливо. Нос, похожий на баклажан, свисал до самой верхней губы, а руки, красные и шелушащиеся, то и дело рвали салфетку. К концу встречи весь стол был усеян бумажным пухом.

Сестру молчание брата как будто совсем не смущало. Можно было подумать, что ветеринара не существует вовсе и его баклажанина вот-вот рассеется в воздухе. Когда он отлучился покурить, толстушка всё же опустила веки и бормотнула под нос, как будто про себя:

– А он волнуется. Понравилась, значит...

– Да он же явно скучает! – возразила я громко.

– Ну что ты, – испугалась толстушка, – он просто скромный парень. Не какой-нибудь балабол с улицы. Трудится, семью хочет. Лучше бы я за такого, как мой брат, вышла, но дура же была ослепшая. От любви ничего не соображала.

– Я не знала, что ты замужем, – оживилась я.

– Была! – отрезала толстушка. – И сбежала. Вот был бы папа живой, когда я за этого жулика шла, не пустил бы меня в ловушку. Так что даю тебе совет, Патишка, не ведись на красивую рожицу.

Лоб у неё пошёл складками от напряжения. Я пожалела, что увела разговор не в ту степь, но дочь Магомедова продолжала:

– Три года я его на своём горбу протащила. Утром в магазине, вечером вяжу на заказ, хорошо хоть, детей не было. А он целыми днями в халяльном кафе хадисы¹³ обсуждает. Тормошу его, чтобы работу искал, а он ещё огрызается, типа, мне на харамной¹⁴ работе нельзя работать, я, мол, учусь. А что это за учёба такая – религиозные брошюры с утра до ночи штудировать, а? Что за работа – о сунне Пророка спорить? И все, кто с ним в этом кафе сидел и спорил, все – здоровые лбы. Я ему и говорю один день: ле, Юсуп, а то, что мужчина обязан жену обеспечивать, иначе она имеет право сама объявить развод, это в твоих книжках не написано? Он как начал кричать. Жирной меня обозвал, представляешь? Сказал, что десятки красавиц о нём мечтают, а он им отказывает, только бы не сойти с пути. А я его, типа, не ценю.

¹³ Изречение, одобрение, пример или действие пророка Мухаммада, сумма которых образует сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата.

¹⁴ В шариате – запретные действия (*араб.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.